

- and Preference. – 2020. – Vol. 79. – Mode of access: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0950329319302290?via%3Dihub> – Date of access: 11.09.2023.
14. Poulton, T. The smells we know and love: variation in codability and description strategy / T. Poulton // Language and Cognition. – 2020. – Vol. 12, № 3. – P. 501-525.
 15. Lee, A. P. Lexical categories and conceptualization of olfaction / A. P. Lee // Language and Cognition. – 2015. – Vol. 7, № 3. – P. 321-350.
 16. Nygaard, M. E. Swedish fermented herring as a marker of rural identity: the Alfta surströmmingsskiva / M. E. Nygaard // Food, Culture & Society. – 2019. – Vol. 22, № 4. – P. 407-422.
 17. Classen, C. Aroma: the cultural history of smell / C. Classen. – London: Routledge, 1994. – 256 p.

КОНТЕКСТУАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ В СТРУКТУРЕ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНСТВ

Н. А. Закарина (Минск, Беларусь)

Широкое функционирование структурно-синтаксических модификаций в русском языке обусловлено расширением их коммуникативно-прагматического потенциала и функционального диапазона. Прагматичность лингвистики на современном этапе и её ориентированность на антропоцентрическую парадигму, связь её с речевым воздействием на осознанность человека и его эмоциональные реакции обуславливает приоритетный характер подобного исследования. Изучение контекстуально обусловленных синтаксических конструкций проводится в современном языкознании в нескольких направлениях – структурном, семантическом, прагматическом, что позволяет в полной мере выявить свойства объекта лингвистики и дать полную классификацию явлений.

Структурно-синтаксические модификации изучались в рамках разных школ и направлений – структурно-системного (А. В. Бондарко, R. Fiengo) [1; 2], коммуникативного (А. Вежбицкая, K. Carlson) [3; 4], структурно-семагнтического (Е. В. Падучева, F. Daneš) [5; 6], семиотического (Т. В. Булыгина, U. Juzwa) [7; 8]. Различия в квалификации и интерпретации структурных и синтаксических модификаций усложняют их упорядочение и систематизацию.

Диалоговые реплики имеют разную структуру: в них может опускаться любой член предложения, который можно легко воспроизвести с помощью контекста. Компенсация смысла неполных конструкций в структуре диалогического единства сопровождается также невербальными средствами общения: мимикой, жестами и т. д. Семантико-грамматическое единство конструкций в структуре диалога позволяет эксплицитно выражать только тот член, который содержит новую информацию, необходимую для дальнейшего развития сообщения.

«Астров. *И долго они еще здесь проживут?*

Войницкий (свистит). *Сто лет. Профессор решил поселиться здесь.»*

«И прекрасно. Это такая редкость, что вы у нас ночуете. Вы, небось, не обедали? Астров. Нет-с, не обедал.

Соня. *Так вот кстати и пообедаете. Мы теперь обедаем в седьмом часу. (Пьет.) Холодный чай!»* (А. П. Чехов «Дядя Ваня»).

«Серебряков. *Выходит так, что благодаря мне все изнемогли, скучают, губят свою молодость, один только я наслаждаюсь жизнью и доволен. Ну да, конечно!*

Елена Андреевна. *Замолчи! Ты меня замучил!*

Серебряков. *Я всех замучил. Конечно.*

Елена Андреевна (сквозь слезы). *Невыносимо! Скажи, что ты хочешь от меня?*

Серебряков. *Ничего*» (А. П. Чехов «Дядя Ваня»).

Структура диалогической единицы, включающей неполные конструкции, классическая: первое предложение закончено и содержит все необходимые структурно-смысловые компоненты. Остальные реплики «привязаны» к основному предложению и содержат только актуальную информацию:

«Серебряков. *С этим юродивым я и разговаривать не стану.*

Соня. *Это как угодно. (Садится.) Мне все равно.*

Серебряков. *Который теперь час?*

Елена Андреевна. *Первый*» (А. П. Чехов «Дядя Ваня»).

Основанием для классификации неполных диалогических предложений считается эксплицитно выраженный в них член предложения. Можно выделить предложения-реплики, содержащие подлежащее. Подобные предложения могут включать в себя вопрос к собеседнику

«Соня. *Что? Дядя, что знала?*

Войницкий. *Тяжело, нехорошо... Ничего... После... Ничего... Я уйду... (Уходит.)*

Соня (стучит в дверь). *Михаил Львович! Вы не спите? На минутку!*

Астров (за дверь). *Сейчас! (Немного погодя входит: он уже в жилетке и галстуке.) Что прикажете?*

Соня. *Сами вы пейте, если это вам не противно, но, умоляю, не давайте пить дяде. Ему вредно.*

Астров. *Хорошо. Мы не будем больше пить*» (А. П. Чехов «Дядя Ваня»).

Эксплицитно выраженное подлежащее может содержать уточнение к предыдущему вопросу. В этом случае имеет место смысловое дублирование подлежащего основного предложения:

«Астров. *Я сегодня ничего не ел, только пил. У вашего отца тяжелый характер. (Достает из буфета бутылку.) Можно? (Выпивает рюмку.) Здесь никого нет, и можно говорить прямо. Знаете, мне кажется, что в вашем доме я не выжил бы одного месяца, задохнулся бы в этом воздухе... Ваш отец, который весь ушел в свою подагру и в книги, дядя Ваня со своей хандрой, ваша бабушка, наконец, ваша мачеха...*

Соня. *Что мачеха?*» (А. П. Чехов «Дядя Ваня»).

Тесная семантико-грамматическая связь реплик диалога позволяет использовать один компонент в функции целого предложения.

Бывают случаи, когда реплика предложения содержит сказуемое. Ответ может содержать вопрос:

«Соня. *Папа, ты сам приказал послать за доктором Астровым, а когда он приехал, ты отказываешься принять его. Это не деликатно. Только напрасно побеспокоили человека...*

Серебряков. *На что мне твой Астров? Он столько же понимает в медицине, как я в астрономии*» (А. П. Чехов «Дядя Ваня»).

Тесная связь неполных предложений с тематическим членением позволяет использовать элементы, содержащие новую информацию.

Реплики диалога, выполняющие функцию обстоятельства, могут содержать прямой ответ на вопрос собеседника.

Диалоговые единицы, в которых реплики-неполные предложения выполняют функцию дополнения, имеют особое строение. В большинстве случаев дополнение дублируется репликами диалога, содержит вопрос:

«Астров. *Вообще жизнь люблю, но нашу жизнь, уездную, русскую, обывательскую, терпеть не могу и презираю ее всеми силами моей души. <...> Я для себя уже ничего не жду, не люблю людей... Давно уже никого не люблю.*

Соня. *Никого?*

Астров. *Никого. Некоторую нежность я чувствую только к вашей няньке – по старой памяти*» (А. П. Чехов «Дядя Ваня»).

Исследования показали, что основными моделями контекстуально обусловленных конструкций в структуре диалогических единств являются неполные предложения. Формирование семантики в подобных конструкциях осуществляется с помощью контекста или на основе логико-смысловых отношений. Незаконченные конструкции в составе диалогического единства могут быть оформлены как составной член сложного предложения.

Подобные предложения, несмотря на свою структурную незавершенность, являются функционально законченными синтаксическими единицами. Конструкции проецируют содержание предикативной части на законченное предложение, становясь, таким образом, семантически законченными.

Библиографический список

1. Бондарко, А. В. Функциональная грамматика / А. В. Бондарко. JL: Наука, 1984. – 136 с.
2. Fiengo, R. Indices and identity / R. Fiengo, R. May. – Cambridge ; London : MIT Press, 1994. – XVII, 315 p.
3. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 780 с. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
4. Carlson, K. Paralelism and prosody in the processing of ellipsis sentences / K. Carlson. – New York ; London : Routledge, 2002. – 227 p.
5. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. (Референциальные аспекты семантики местоимений) / Е. В. Падучева. – М. : Эдиториал УРСС. 2002. – 288 с.
6. Daneš, F. Syntaktické struktury / F. Daneš // Kultura a struktura českého jazyka / F. Daneš ; Univ. Karlova v Praze. – Praha, 2009. – S. 251–352.
7. Булыгина, Т. В. Семантические и грамматические категории и их связи / Т. В. Булыгина // Аспекты семантических исследований. – М. : Наука, 1995. – С. 320–355.
8. Juzwa, U. The inflection of ellipsis and its antecedent – the minimalist account / J. Juzwa // Linguae Mundi. – 2005. – № 2. – S. 69–76.

ЖЕНСКАЯ ПОЭЗИЯ В МУЖСКОЙ МАСКЕ: ТВОРЧЕСТВО З. ГИППИУС

А. С. Залевская (Минск, Беларусь)

«Поэт, писатель, критик» – по требованию самой же Зинаиды Гиппиус обращения в ее сторону всегда звучали в мужском роде. И это не единственный пример в русской литературе, когда женщины принципиально отказывались от феминитивов «авторка» и «поэтесса», считая, что подобные номинации принижают их талант (например, Марина Цветаева и Анна Ахматова). Но ситуация с З. Гиппиус несколько иная: использование форм мужского рода и написание стихотворений от лица мужчины для нее было не только возможностью избежать ассоциаций с якобы «несолидной» женской литературой, но и попыткой избавиться от противоречия, связанного с ее восприятием оппозиции «мужского / женского».

Зинаида Николаевна верила, что совмещение в человеке феминного и маскулинного начал в конце концов делает его бесполом. Она придерживалась философии Владимира Соловьева, который неустанно доказывал андрогинность природы человека: «Истинный человек в полноте своей идеальной личности, очевидно, не может быть только мужчиной или только женщиной, а должен быть высшим единством обоих» [2, с. 146]. Философ в духе проповедуемой им философии всеединства считал, что разъединение в человеке этого «единства»